

ГОРОДОК НЕМУХИН

Чего только не говорят о Немухине! Говорят, например, что у каждого командировочного начинает звенеть в левом ухе, когда он приезжает в этот город, и так и звенит, пока он не управится со своими делами. Говорят, что в Комиссионном Магазине продаются ковры-вертолеты. И, наконец, говорят, что самым большим влиянием в городе пользуется бывший Леший Трофим Пантелеевич, с блеском закончивший Институт Усовершенствования Леших и Домовых.

Как ни странно, все это почти правда или, по меньшей мере, похоже на правду. Командировочные утверждают, что у них действительно звенит в ухе, но не в левом, а в правом. Ковры-вертолеты продаются, и даже новейшей конструкции, с шелковыми парусами. Трофим Пантелеевич как жил, так и живет в роще недалеко от Поселка Любителей Чистого Воздуха, и в его жизни ничего не изменилось, кроме того, что недавно он купил новый тулуп.

Конечно, многое может показаться невероятным. Неужели, например, Великий Завистник действительно превратил Таню Заботкину в сороку? Представьте себе, превратил! Неужели аптека «Голубые Шары» действительно прилетела за своим Лекарем-Аптекарем в Немухин? Представьте себе, прилетела! Неуже-

ли в газете «Немухинский голос» появилось объявление: «Для строительства воздушного замка нужны летающие мальчики»? Появилось, и я читал его своими глазами.

Однако нельзя отрицать, что Немухин остался, что называется, белым пятном на географической карте, и эта несправедливость глубоко огорчала дядю Костю, в особенности когда, выйдя на пенсию, он вернулся в родной городок. Он был клоуном, и не каким-нибудь, а музыкальным, умеющим играть на контрабасе, флейте, кларнете и скрипке, не говоря уже о ложках и барабане.

Правда, его фамилия была Лапшин, а не Попов, но он считал, что в некотором роде он даже выше Попова. Неизвестно, например, любит ли знаменитый Попов совать нос в чужие дела? А дядя Костя любил — это называлось у него поразмяться. Неизвестно, как он узнавал, что кому-нибудь нужно помочь, но узнавал, и почти всегда без ошибки. Только однажды он пришел к старушке с хитроумным, собственного изобретения костылем и получил этим костылем по шее, потому что ногу сломала другая старушка.

Даже клоуны, выйдя на пенсию, начинают скучать. Заскучал и дядя Костя. Только по воскресеньям, когда к нему во двор набирались ребята и он жонглировал ложками, играя одновременно на барабане, у него не сосало под ложечкой. Прочие шесть дней — сосало, да так, что он не находил себе места. Кончилось это тем, что он решил сунуть нос в городские дела, но не в практическом, а в историческом смысле.

Мне случалось навещать его, и должен сознаться, что именно я посоветовал ему заняться путеводите-

лем, в котором — это было совершенно очевидно — нуждается Немухин.

В самом деле, туристы, да и не только туристы, должны были знать, когда построена Новая Пекарня и жив ли еще Ученый Садовод Башлыков. Важно было также объяснить, почему и при каких обстоятельствах немухинцы стали людьми самолюбивыми, постоянно думающими, как бы не ударить лицом в грязь, и не упускающими случая показать, что они ничем не хуже мухинцев — жителей соседнего городка, расположенного на другой стороне речки. Кстати, немухинцы называли ее Немухинкой, а мухинцы — Мухинкой.

Путеводитель — сложное дело, в особенности для бывшего клоуна, и не скрою, что именно я намекнул, что прежде всего ему должны помочь старожилы. Сестры Фетяска, например, были старше его лет на пятнадцать, могли ли они рассказать ему о чем-нибудь истинно немухинском и в то же время значительном с исторической точки зрения? Конечно, могли. Но, прежде чем посоветоваться с ними, дядя Костя с большим блокнотом под локтем отправился в Городской Музей.

К сожалению, Музей был закрыт. «Санитарный день», — гласила надпись на входной двери. Но по самой этой надписи, выгоревшей и грязной, было ясно, что санитарный день затянулся по меньшей мере на полгода, и, заглянув в окно, дядя Костя убедился в этом. Пол был усеян бумагами. Экспонаты — так называются предметы, выставляемые на обозрение, — не стояли, а валялись на полках: череп доисторического человека (очевидно, одного из первых обитателей Немухина) рядом с подозрной трубой, керосиновая лампа-молния рядом с кочергой, которой, очевидно, было не место в Музее.

Дядя Костя позвонил в Музей — и ничего, кроме звонка, не услышал. Деликатно постучав в дверь рукой, он, помедлив, менее деликатно постучал ногой. Тишина. Ничего не оставалось, как пойти в Отдел Охраны Памятников Старины и спросить: в чем, собственно, дело?

Не стану рассказывать о том, как через какие-нибудь две недели дядя Костя стал директором Музея. В течение этих двух недель его уговаривали сперва Отдел Охраны Памятников Старины, потом Старый Трубочный Мастер, потом Горсовет, потом сестры Фетяска, потом вновь Горсовет. Напрасно он уверял, что никогда ничего не собирал, кроме марок — и то в детстве. Напрасно доказывал, что не в силах просидеть целый день среди предметов старины, не выкинув какое-нибудь сальто-мортале — так некогда назывался смертельно опасный акробатический номер.

— Это хорошо, это прекрасно, что вы — бывший клоун, — возражали ему. — Мы как раз искали не просто порядочного человека, но человека искусства. Не забывайте, что вы — коренной немухинец и, значит, просто обязаны оказать родному городу эту услугу. Кроме того, как пенсионер вы, очевидно, скучаете?

— Скучаю.

— Ну вот, а с нашим Музеем не соскучишься!

И когда он наконец согласился, ему рассказали, что последним директором Музея был некий Лука Лукич Мыло, подозрительная личность, очевидно, связанная с нечистой силой. Именно он однажды вывесил у подъезда надпись «Санитарный день», а с черного хода стал продавать старые ковры, люстры и

мебель. Конечно, его отдали под суд, но он куда-то сбежал или даже улетел, потому что его, по слухам, видели летящим над городом по направлению к югу.

Поначалу дела пошли недурно. Вместо надписи «Санитарный день» дядя Костя вывесил новую: «Санитарные сутки». Он надеялся навести порядок в Музее в течение суток. И может быть, это удалось бы ему, если бы он не начал с полотняной старинной карты Индийского океана. Он снял ее со стены, чтобы вытереть пыльной тряпкой, и заметил на оборотной стороне — не стены, разумеется, а карты — любопытный рисунок.

Неизвестный художник изобразил обруч — в этом не было бы ничего особенного, если бы обруч был похож на те, которые бондари набивают на бочки для крепления досок. Но нет! Лента, свернувшаяся в большое кольцо, была обвита серебристой змеей, поднявшей узкую головку с опасно сверкающим взглядом. Змея как бы охраняла семь предметов, стоявших или лежавших на внутренней стороне кольца: подзорную трубу, старинный деревянный телефон, модель фрегата с раздутыми парусами, пушечку елизаветинских времен, лакированную шкатулку, музыкальную табакерку с черепаховой крышкой и медный самовар.

Но это было еще не все: в центре обруча живыми, сохранившимися красками был изображен высокий старик, запахнувший полу широкого плаща на плечо и снимающий перед зрителями конусообразную шляпу. Из-под плаща торчали костлявые ноги, длинные руки, а лицо... Огромный, озорной, самолюбивый нос был воткнут между морщинистых щек, упрямые губы над острым подбородком как будто говорили: «Я —

это я, и прошу вас с этим считаться». По задумчивым, гордым глазам можно было, пожалуй, вообразить... Но, не полагаясь на воображение, дядя Костя помчался к сестрам Фетяска.

...Надо сказать, что Фетяска — старинная фамилия, заставляющая думать, что сестры были родом из Румынии. Но на самом деле они родились в Немухине, из которого выезжали редко, а выходили часто, особенно осенью, когда в роще за Немухинкой появлялись подберезовики, — они любили грибы.

Фекла Никитична хозяйничала, а Зоя Никитична с утра до вечера раскладывала пасьянсы.

Кроме грибов, они были любительницами кофе, и не какого-нибудь, а турецкого, который варился в медных кастрюльках с мудреным названием. Прежде чем снять кастрюльку с огня, надо было произнести мусульманское заклинание.

И дядя Костя, едва войдя, немедленно получил свою чашечку кофе. Однако, пригубив ее и сказав, как всегда: «Умопомрачительно!» — он, не теряя времени, развернул карту Индийского океана сперва с лицевой стороны, а потом с обратной, и сестры, вооружившись очками, ахнули, оцепенели от изумления и заговорили почему-то по-французски.

— Нил Сократович! — вернувшись к русскому, в один голос сказали они.

— А кто такой Нил Сократович?

— Ночной сторож!

— Не может быть! Что же он так? В плаще и высокой шляпе?

— Да, он всегда именно так!

Дядя Костя открыл блокнот...

А надо сказать, что, принимаясь за путеводитель, дядя Костя составил план:

1. История. Все достойные уважения путеводители начинались с истории.

2. Знаменитые здания, такие, например, как Новая Пекарня или аптека «Голубые Шары».

3. Коренные жители, отлучавшиеся из города только по неотложным делам.

4. Командировочные, среди которых были Герои Социалистического Труда, академики и поэты.

— Подходит, — прочитав план, сказали сестры.

— Кто подходит?

— Нил Сократович.

— Почему?

— Потому что он был и историком, и коренным жителем, и командировочным, и хранителем знаменитых зданий.

— Каким же образом?

— Очень просто! Во-первых, он всегда рассказывал истории. Во-вторых, по совместительству работал ночным сторожем — и в Музее, и в Аптеке, и в Новой Пекарне. В-третьих, он родился в Немухине и был увезен родителями, едва ему исполнилось два года, а в-четвертых, вернулся через пятьдесят лет, потому что его командировал как собственного корреспондента журнал «Новости науки и техники».

— Каким же образом он попал в ночные сторожа?

— Очень просто. Его уволили из журнала.

— Почему?

— А он послал корреспонденцию о том, что чучело на огороде ожило и запустило в ворону шляпой. Не поверили, чудаки.

— А почему уволили из ночных сторожей?

— Потому что он ночью спал, а днем рассказывал детям сказки.

— Где же он теперь?

— Неизвестно. Обиделся и ушел.

Дядя Костя взглянул на рисунок.

— И что же, он был так высок?

Сестры снова поговорили по-французски.

— Скорее долговяз, — возвращаясь к русскому, объяснили они. — Неуклюж. Одному податному инспектору, прогуливавшему собаку, сказал, что у собаки человеческое лицо, а у него — собачье.

— Так прямо и сказал?

— Прямо. Он всегда говорил, что думал. И между прочим, первый уличил в воровстве Мыло.

— Какое мыло?

— Директора Музея, Луку Лукича.

— Уличил — и что же?

— Уволили!

— Кого?

— Конечно, Нила Сократовича. А Мыло уже потом, когда он окончательно проворовался.

— Интересно, — сказал дядя Костя, торопливо записывая в блокнот все, что ему рассказали. — А как вы думаете, почему Ночной Сторож нарисовал в обруче именно эти предметы: пушечку, фрегат, шкатулку, старинный телефон? И почему обруч обвит серебристой змеей? И почему...

Еще долго продолжались бы эти расспросы, если бы сестры не сказали одновременно:

— Не знаем!

Но когда дядя Костя, выпив еще одну чашечку душистого кофе, простился, они посоветовали ему заглянуть к Старому Трубочному Мастеру.

— Во-первых, Нил Сократович часто заходил к нему, они были друзьями. А во-вторых, в нашем Немухине нет человека догадливее, чем Трубочный Мастер.

Тот, кто вообразил бы, что у Трубочного Мастера нет ни имени, ни отчества, ни фамилии, попал бы, как говорится, впросак. У него было два имени и, хотя отчество — одно, фамилия тоже двойная. Но для немухинцев все его имена и фамилии давно потонули в трех словах: «Старый Трубочный Мастер».

...Самыми ценными считаются обкуренные трубки, поэтому в его маленьком домике всегда стоял дым — тот самый, о котором почему-то говорят «дым коромыслом». В этом дыму с трудом можно было различить хозяина, который сидел у станка, вытачивая очередную трубку.

Он очень боялся, что врачи запретят ему курить. На дощечке у ворот вместо: «Внимание! Злая собака!» — было написано: «Внимание! Врачам и даже членам Академии Медицинских Наук вход воспрещен!» Всех он спрашивал: «Простите, а вы случайно не врач?» И когда дядя Костя постучался и вошел, держа под локтем свернутую карту Индийского океана, он тоже начал было: «Простите, а вы случайно...»

Не стану передавать разговор между ними. Скажу только, что Трубочный Мастер попросил развернуть карту и показать загадочный рисунок. Он долго и с наслаждением смеялся, рассматривая изображение высокого старика в плаще, из-под которого торчали длинные костлявые ноги, а потом грустно задумался и шумно вздохнул.

— Это был... — начал он. — Впрочем, почему был? Я уверен, что мы его еще увидим... Это был удивительный человек! Вечно таскал с собой рваный портфель, набитый рукописями, и читал их вслух, просили ли его об этом или не очень просили. Самолюбивый, обидчивый, добрый и всегда готовый все на

свете перевернуть вверх ногами. Между прочим, он считал, что каждый человек в глубине души немного волшебник, но только очень немногие догадываются об этом. Помнится, он с математической точностью доказал мне, что директор Музея, который его уволил, — злой волшебник или даже, может быть, мелкий бес.

— Лука Лукич?

— Вы уже знаете! Причем из Немухина Нил Соколович не уехал, а ушел. Он не признавал ни поездов, ни самолетов, ни автобусов, ни даже велосипедов. Мечтал об осле. И кстати, не был бы собой, если бы не оставил загадки. Впрочем, ее легко разгадать. Подумайте сами, какое сходство между музыкальной табакеркой и моделью фрегата? Или между самоваром и старым телефоном?

Дядя Костя подумал.

— Разница есть, — сказал он простодушно. — А сходства не вижу.

— А вам не приходило в голову, что в каждом из этих предметов можно что-нибудь оставить на память? Если, скажем, он вел дневник, почему бы не положить одни страницы в старый телефон, а другие — в музыкальную табакерку?

— А он вел дневник?

Трубочный Мастер снова взглянул на рисунок.

— Кто знает? — сказал он. — Теперь вам, мне кажется, надо найти в Музее эти предметы и выяснить, не являются ли они, так сказать, средством упаковки. Ох, Нил! Никогда не забуду, как он держал со мной пари, что нашу речку можно перейти на ходулях.

— И выиграл?

— Нет, проиграл.

По-видимому, немухинцы до поры до времени махнули рукой на свой Музей, иначе они не сократили бы число его сотрудников до двух и даже одного.

Таким образом, дядя Костя оказался и старшим хранителем, и уборщицей, и сторожем ночным и дневным. Вот почему в первые дни своей работы он забыл и думать о загадочном обруче. И, должно быть, долго не вспомнил бы, если бы я случайно не оказался в Немухине и не заглянул в Музей.

Босой, голый до пояса, в подвернутых спортивных штанах, дядя Костя натирал пол, да так лихо, как будто всю жизнь был полотером.

— В описи значатся, — ответил он, когда я спросил его о семи предметах, вписанных в обруч. — А в наличии — нет. Кроме подозрительной трубы, через которую ничего не видно.

— А где она? Можно на нее взглянуть?

Подозрительная труба, медная, позеленевшая, тяжелая, была раздвинута до предела — как будто нарочно, чтобы показать, на что она способна. Но, взглянув через нее из окна на открывавшийся за Немухинкой лесок, я убедился в том, что дядя Костя был прав: отразился, да и то неясно, только мой собственный глаз.

— А вы не пробовали ее разобрать?

Это было не так-то легко — развинтить трубу, которую кто-то свинтил тому назад лет двести. Но дядя Костя, полюбовавшись натертым полом, помог мне, и мы вдвоем кое-как справились с верхним узким отсеком, в котором ничего не оказалось, кроме толстого слоя пыли. Во втором, более широком, мы нашли большую мертвую муху, а третий, четвертый

и пятый были наглухо забиты смятыми, исписанными листами бумаги.

— Ну, вот! Напрасно старались! — проворчал дядя Костя.

Но я разгладил несколько страниц на колене и прочел: «Между тем в Немухине все было бы хорошо, если бы решительно все не было плохо». Почерк был неразборчивый, некоторые страницы так скомканы, что, казалось, ни слова нельзя было прочитать. Тем не менее я аккуратно сложил их и сказал дяде Косте:

— Э, нет! Не напрасно!

Без сомнения, вы уже догадались, что Трубочный Мастер был прав: покидая город, Ночной Сторож оставил кое-что на память. И хотя самовар, модель фрегата и другие предметы только значились в описи, теперь стало ясно, что их нужно найти, потому что и они могли оказаться «средством упаковки», хотя более странную упаковку трудно было вообразить.

Так или иначе, до поры до времени надо было, конечно, заняться рукописью, которую мы нашли в подозрительной трубе. Впрочем, дядя Костя потребовал, чтобы я свинтил трубу, а потом занялся рукописью, и хотя первая задача оказалась легче второй, пришлось провозиться до вечера, пока через протертые стекла я увидел на другой стороне Немухинки березовый лесок.

Светало, когда я с помощью сильной лупы прочитал измятые страницы. Было ли это потерянное время? Может быть, может быть! Тем более что иные строки, похожие на куриные следы, прочесть было

невозможно, и мне пришлось самому придумать, что случилось, скажем, между страницей семнадцатой и двадцать второй. А между тем это стоило сделать: ведь случившееся раньше не могло случиться потом. Плохо было только одно: эта маленькая история не могла пригодиться для задуманного дядей Костей путеводителя. Немухинцы не нашли бы в ней ничего особенного, а туристы решили бы, что это просто сказка для детей или взрослых.

СЫН СТЕКОЛЬЩИКА

Мария Павловна бежит за горчицей

В Немухине давно решено было построить Новую Пекарню. Старая отслужила свое, облупилась, закоптела и — это было самое главное — перестала выпекать черный домашний хлеб с хрустящей корочкой, которым славился город.

Однако прошло немало времени, прежде чем Горнемухстрой поручил архитектору Николаю Андреевичу Заботкину приступить к постройке Новой Пекарни. Следует заметить, что он был одним из самых уважаемых людей в Немухине. Когда он переходил Нескорую, самую оживленную улицу города, милиционер заранее останавливал движение и все почтительно следили, как, поглядывая по сторонам, он неторопливо переставляет длинные ноги. Его уважали даже за то, что он всегда путал ужин с завтраком, а завтрак с обедом.

— Хорошо бы поужинать, — говорил он по утрам своей дочке Тане. А возвращаясь поздно вечером после работы, весело спрашивал ее: — Завтрак на столе?

В ясный солнечный день он выходил из дому с зонтиком, а однажды, когда Мария Павловна вымыла голову и повязала ее полотенцем, не узнал ее и стал расспрашивать, откуда она приехала и нравится ли ей город.

Впрочем, рассеянность нисколько не мешала ему. Однажды он, например, по рассеянности построил такую высокую пожарную каланчу, что с вышки был виден как на ладони не только Немухин, но и Мухин, лежавший довольно далеко за рекой. Мешала ему не рассеянность, а доброта. С каждым годом он становился добрее. Он беспокоился положительно о каждом немухинце, а в особенности о верхолазах, строивших Пекарню, после того как один из них оступись. Именно тогда он предложил выписать верхолазов из Летандии — есть такая страна, в которой люди умеют немного летать. Но Горнемухстрой убедительно доказал ему, что Министерство Дружелюбных Отношений не разрешит выписать для Пекарни иностранных рабочих.

Но больше, чем о любом немухинце, Николай Андреевич, без сомнения, заботился о своей дочке Тане. Дело в том, что у него три года тому назад неожиданно исчезла жена, Мария Павловна, Директор Института Красоты и, между прочим, одна из самых красивых и симпатичных женщин в Немухине. Это случилось так: за ужином она вспомнила, что забыла купить к сосискам горчицу, вскочила из-за стола, побежала в соседнюю лавочку и исчезла. Весь город искал ее несколько дней, лучшие собаки-ищейки были привезены в Немухин, и, как это ни странно, самые талантливые из них упорно шли по одному маршруту: от дома Заботкиных к единственному в городе Комиссионному Магазиному. Этим магазином заведовал некто Пал Палыч, человек пожилой, глуховатый, подслеповатый и — что важно отметить — пугливый. Он считал себя знатоком старины и подчас решительно отказывался продавать казавшиеся ему старинными вещи.

— К сожалению, не могу, — говорил он, поглядывая на какие-нибудь фарфоровые часы, которые были старше его лет на десять. — Это музейная вещь и как таковая должна находиться в Государственном Музее Старинных Механизмов.

Но это обстоятельство, без сомнения, не имело ни малейшего отношения к исчезновению Марии Павловны. Она как бы растаяла в воздухе, и единственной хозяйкой в доме осталась Таня, которой только что исполнилось четырнадцать лет. Нельзя сказать, что она растерялась. Во-первых, она была почему-то уверена, что мама вернется. А во-вторых, надо же было кому-то готовить завтрак, который отец называл ужином, разогревать обед, который он называл завтраком, отдавать белье в прачечную, платить за газ и электричество, не говоря уже о чистоте в квартире.

При этом необходимо было еще и учиться, причем не в обыкновенной, а в Музыкальной Школе. Она играла на скрипке, а кто же не знает, что скрипка — один из самых трудных инструментов на свете.

Да, Тане было действительно трудно, и хотя ей не очень хотелось, чтобы отец нанял домашнюю работницу, но иногда, пожалуй, и очень.

А надо сказать, что одна еще молодая женщина только и думала, как бы ей устроиться у Заботкиных. Дело в том, что ей никак не удавалось выйти замуж, хотя она была, с ее точки зрения, недурна собой. Кроме того, ей очень нравился Николай Андреевич.

«Ведь прошло три года с тех пор, как он потерял жену, — думала она, — а в таких случаях мужчины не прочь жениться снова».

И, принарядившись, она пошла к Николаю Андреевичу и сказала ему, что не может без слез смотреть

на Таню, которая хозяйничает в доме, в то время как ей надо учиться.

— Между тем мне кажется, — сказала она, — я вполне могла бы ее заменить.

Однако были причины, которые могли помешать Николаю Андреевичу согласиться на ее предложение. Во-первых, эта женщина, у которой, кстати сказать, было странное прозвище — госпожа Ольоль, родилась и выросла в Мухине, а между мухинцами и немухинцами всегда были сложные отношения. В дни футбольных соревнований, например, хозяева поля независимо от результата дрались с гостями, а гости — с хозяевами поля.

Во-вторых... О, вторая причина заставила б задуматься Николая Андреевича, если бы он догадался о ней!

Дело в том, что госпожа Ольоль училась в Школе Ведьм и хотя была очень ленива, однако окончила четыре класса. В Министерстве Необъяснимых Странностей ей было разрешено совершить только одно необыкновенное чудо, а обыкновенных — не больше трех-четырёх.

Так или иначе, никто не подозревал, что госпожа Ольоль — ведьма, хотя и с неоконченным средним образованием.

В конце концов Николай Андреевич все же нанял ее.

— Я буду называть вас экономкой, — сказал он, — тем более что домашних работниц в наше время нанять, говорят, очень трудно. Вы будете полной хозяйкой в доме, а Таню я попрошу только набивать мне трубку и следить, чтобы я не называл завтрак ужином, а ужин — обедом.

И действительно, первое время все шло так примерно на четверку с плюсом. Можно было бы даже

сказать — на пятерку, если бы Таня время от времени не ловила на себе какой-то странный взгляд новой экономки. Пожалуй, можно назвать его опасным или, по меньшей мере, не вполне безопасным. Правда, госпожа Ольоль при этом ласково улыбалась, но от ее улыбки Тане становилось как-то не по себе. Ей хотелось куда-нибудь спрятаться, и у нее, как это ни странно, развязывался пионерский галстук, хотя она к нему не прикасалась.

Тем не менее они были в прекрасных отношениях. Каждый день госпожа Ольоль убирала квартиру, ходила по магазинам, проветривала постельное белье и вообще отлично вела хозяйство. Готовила она так хорошо, что Николай Андреевич за обедом съедал по две тарелки супа и даже немного пополнил, хотя при его высоком росте это было почти незаметно.

Всякий раз она с восхищением восклицала: «Ах, как я рада!» — когда он возвращался домой, хотя куда же еще должен он был возвращаться после работы, если не домой.

Стараясь понравиться ему, она три раза в день подкрашивала веки, а два раза щеки, так что верхняя часть ее лица отливала голубоватым цветом, а нижняя — розоватым.

И нельзя сказать, что Николай Андреевич не обращал на нее внимания. Но почему-то, встречаясь с ней, он повторял одну и ту же фразу:

— Ого, госпожа Ольоль, а ведь вы опять похорошели.

Или, когда веки у нее начинали отливать уже не голубоватым, а синеватым оттенком, а щеки — не розоватым, а красноватым, он восклицал:

— Смотрите-ка, госпожа Ольоль, что бы это значило? Ведь вы опять, кажется, похорошели?

В старину тот, кто собирался жениться, обычно говорил своей будущей невесте:

— Позвольте предложить вам руку и сердце.

Руку Николай Андреевич иногда предлагал госпоже Ольоль — когда она стояла на лестнице, вытирая пыль в библиотеке. Но сердце... До этого было далеко!

Что касается Тани, то новая экономка заботилась о ней, как заботилась бы, кажется, родная мать.

— Милая моя, не хочешь ли ты еще одну булочку? — спрашивала она, когда Таня, торопясь в школу, кончала завтрак.

Но пионерский галстук под взглядом госпожи Ольоль продолжал развязываться, а однажды, когда Таня в беге на сто метров была в трех шагах от финиша, у нее развязался шнурок на ботинке, и она пришла шестой, хотя могла бы прийти второй. Перед показательным концертом Музыкальной Школы на скрипке лопнула струна, и пришлось бежать в Мухин, потому что в Немухине не было музыкального магазина.

Впрочем, Таня давно заметила, что упражнения на скрипке странно действуют на госпожу Ольоль. Она морщилась, хваталась за голову, смачивала виски уксусом — словом, вела себя так, как будто Таня не разучивала Баха, а старалась отпилить экономке голову своим смычком. Может быть, это объяснялось тем, что ведьмы вообще немзыкальны? Так или иначе, ничего не оставалось, как заниматься музыкой не в своей комнате, а в старой, заброшенной оранжерее, рядом с домом.

Правда, она была не совсем заброшенной: в ней росли розы, гладиолусы, лилии и георгины. За ними никто не ухаживал, потому что старый садовник

умер, а нового немухинцы, занятые строительством Пекарни, еще не собрались нанять. Но Таня — хотя она была очень занята — все-таки находила время, чтобы поливать цветы. Ей даже нравилось заниматься музыкой в оранжерее, тем более что цветы внимательно слушали ее и даже кивали головками, когда какой-нибудь трудный пассаж удавался. Широко известно, что именно цветы острее других растений чувствуют признательность — ведь за ними надо ухаживать особенно терпеливо. Но иногда Тане начинало казаться, что ее слушают не только цветы. Кто-то бродил по старой оранжерее, чуть заметно отражаясь то в одной, то в другой стеклянной стене.

— А ведь интересно узнать, — однажды спросила (или, быть может, только подумала) Таня, — кто еще слушает меня, кроме роз, гладиолусов, лилий и георгинов?

— Сын Стекольщика, — ответил ей чей-то мягкий, приветливый голос.

— В самом деле? Почему же я вас не вижу?

— Не только ты, Таня. Кстати, я узнал твое имя, потому что, когда у тебя получается трель, ты говоришь себе: «Ай да Таня!»

— Так вас не видит никто?

— В том-то и дело!

— Но ведь это же очень неудобно, — возразила Таня. — Вам-то самому хотя бы изредка удается себя увидеть?

— К сожалению, редко. Только когда идет слепой дождь.

— А что это такое?

— Дождь пополам с солнцем. Впрочем, тогда меня могут увидеть и другие.

— Те, кто к вам хорошо относится?

Она услышала добрый, звенящий смех и подумала, что так могут смеяться только хорошие люди.

— Это я радуюсь, что ты так догадлива, — сказал Сын Стекольщика. — Кроме того, ты вежлива, терпелива и нелюбопытна.

— Вежлива? Может быть. Терпелива? Пожалуй. Но нелюбопытна? Ну нет! Мне, например, до смерти хочется узнать, почему вы стали прозрачным, что вы делаете в этой оранжерее, и вообще, что с вами случилось?

— Ну что ж, — вздохнув, отвечал Сын Стекольщика. — Придется рассказать тебе мою историю. Впрочем, это нетрудно, потому что я давным-давно выучил ее наизусть.

*Видеть тех, кто тебя не видит, —
в этом есть своя прелесть*

— Видишь ли, — начал он, — я сын Председателя Союза Стекольщиков, который так любил свое ремесло, что каждый месяц выбивал все окна в своем доме только для того, чтобы вставить новые стекла. Стекло всегда казалось ему одним из семи чудес света, а прозрачность — самым драгоценным свойством любого предмета. Среди его друзей были, например, прозрачно-чистые и прозрачно-благородные люди. Словом, ему до смерти хотелось, чтобы у него родился совершенно прозрачный сын, а когда человек неутомимо стремится к намеченной цели, это почти всегда удается. Вот так и случилось, что я, как видишь, родился совершенно прозрачным.

— Точнее было бы сказать: «как не видишь», — заметила Таня.

Он опять засмеялся — и так звонко, что стекла оранжереи весело отозвались.

СОДЕРЖАНИЕ

НОЧНОЙ СТОРОЖ, ИЛИ СЕМЬ ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЙ, РАССКАЗАННЫХ В ГОРОДЕ НЕМУХИНЕ В ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ НЕИЗВЕСТНОМ ГОДУ

ГОРОДОК НЕМУХИН 5

СЫН СТЕКОЛЬЩИКА 18

Мария Павловна бежит за горчицей 18 Видеть тех, кто тебя не видит, — в этом есть своя прелесть 25 Бронзовая статуэтка 28 Странствующий рыцарь 31 «Госпожа Ольоль, вы опять похорошели» 33 Тропинка, с которой свернуть невозможно 35 На берегу Ропотамо 39 «Мы должны остаться вдвоем: я и твоя мама» 42 Зеркало души 43 Мария Павловна покупает горчицу 46 Корочка хрустит 47 Слепой дождь 49 Обсуждаем первую сказку и находим вторую 51

НЕМУХИНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ 57

Радуга в гостях 57 Бамм! Вамм! 60 Скучная тайна 62 Где же музыканты? 64 Разноцветный оркестр 66 В кустах бузины 68 «Как бы мне ее подцепить?» 70 Плачут ли феи? 73 Это интересно потому, что это действительно интересно 76 Салфет вашей милости 79 Иван Гильдебранд 83 «Так и должно быть!» 86 Новогодний концерт 88 И феи выходят замуж 94 Обсуждаем вторую сказку и находим третью 97

ЛЕГКИЕ ШАГИ 104

Обсуждаем третью сказку и сочиняем четвертую 133

СИЛЬВАНТ 139

Авиашуба 139 Маленькие загадки 141 Очевидное — невероятное 142 Да, брат, тебе досталось! 146 Под строжайшим секретом 155 На ласковой земле 158 Его весь город боится 160 Ветвь, полная цветов и листьев 164 Здравствуйте, Лука Луки! 166 Вызов принят 169 Прощание с детством 178 Обсуждаем четвертую сказку и не находим пятую 183

МНОГО ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ И ОДИН ЗАВИСТНИК 189

Таня отправляется в аптеку «Голубые Шары» 189
Таня знакомится с косолапенькой Лорой и получает коробочку, на которой нарисована птица 194 Петька принимает таблетки от трусости 197 Таня знакомится с Доброй Старой Лошадью 198 Великий Завистник 200 Таня возвращается в аптеку «Голубые Шары» 203 Любитель необыкновенных историй рассказывает Лоре сказку о Красной Шапочке 205 Великий Завистник рассказывает о себе 209 Таня и Петька ищут пояс 212 Впервые в жизни — веселые сны 215 Великий Завистник не находит свой пояс 217 Старая Лошадь деликатно стучится в аптеку «Голубые Шары» 219 Живая вода превращается в сиреневый куст 223 Лекарь-Аптекарь прощается со своей аптекой, а Старая Добрая Лошадь надевает очки 227 Гусь-обманщик 233 Таня ищет Лекаря-Аптекаря, и бывший Застенчивый Кролик советует ей заглянуть к Ученому Садоводу 237 Лекарь-Аптекарь, Петька и Старая Лошадь отправляются в Мухин, а за ними — и сама аптека «Голубые Шары» 240 Таня находит Лекаря-Аптекаря 244 Сороки 249 Великий Завистник надевает сапоги-скороходы 253 Обсуждаем пятую сказку и читаем шестую 261

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ 266

Обсуждаем шестую сказку. «Кто же подумает, что это были вы?» 284 А седьмую нашли? 287

ЛЕТАЮЩИЙ МАЛЬЧИК 295

«Летающие мальчики? Вздор!» 295 Прямоугольный смотритель 296 Леня Караскин 301 Стоит подумать 310 Тайна полета 314 Воробей с Сердцем Льва 323 Что прошло — то прошло 331 Все будет «тип-топ» 333 Вылет возможен, но невозможен 339 Загадки 345 «Прости меня, мама» 349 Странности, сказки и сны 354 На финишной прямой 356

О МИТЕ И МАШЕ, О ВЕСЕЛОМ ТРУБОЧИСТЕ И МАСТЕРЕ ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Младший Кощей похищает Машу 361 Митька ищет дорогу в Кощееву страну 365 Старая Галка 369 Митька встречается с беднягой галчонком и идет ночевать к переплетчику Иерониму Кар 374 Галка возвращается домой и рассказывает о том, что видела и слышала за ночь 379 Веселый Трубочист 384 Митька в Кощеевом дворце 390 Галка рассказывает Маше то, что ей рассказал Трубочист 398 Что предсказала песенка, которую пел Трубочист 401

ВЕРЛИОКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой автор представляет читателям Розового Кота и Шотландскую Розу, утверждающую, что пенсия и одиночество всегда были в прекрасных отношениях. Ошибка паспортистки 413

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Платон Платонович принимает снотворное, но не может уснуть 416

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой объясняется, что макаронические стихи не имеют никакого отношения к макаронам. Лейка для цветов превращается в родник, но остается лейкой 422

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой автор представляет читателям Иву в квадрате и (в приложении) ее рассказ, опубликованный в семейной стенной газете 425

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой доказывается, что знаменитый Кот в сапогах в сравнении с Котом Филей был недалекий малый 428

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой с одного берега на другой перебрасывается соломенный мостик, а Ива получает последнее яблоко в одичавшем саду 431

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Кот Филя с тонкой улыбкой щурит глаза, а Вася читает солнечному зайчику стихотворение Ивы 434

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой обсуждается вопрос о том, связаны ли чудеса с музыкой или поэзией, а Кот утверждает, что Ива и Вася в сравнении с ним еще дети 437

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой автор представляет читателям молодого человека, похожего на бабочку Аполлон 439

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой похожий на бабочку молодой человек посещает Ивановых, а из Алексея Львовича вылетают искры 444

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой Ива старается чувствовать себя счастливой и сердится, потому что чувствует себя несчастной 449

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Вася разговаривает с семейными фотографиями, а Ива просит его подарить ей свадебное путешествие 451

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой рассказывается, как шофер автобуса чуть не сшиб инвалида, заглядевшись на Иву. Платон Платонович с трудом отрывается от Малого Пса. Из Алексея Львовича снова летят искры. В дорогу! 456

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Ворон-предсказатель рассказывает загадочную историю и предвещает Васе разъяряющий сон 459

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Ива передразнивает старого Ворона, а Вася видит предсказанный сон 462

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой Коту не удастся отведать свежей рыбки, а лодочнику не удастся отделаться от Васи. С незнакомца слетает шляпа, и лоза бьет его по лицу 469

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой Кот дополняет то, о чем автор умолчал в главе шестнадцатой, и доказывает, что риск — благородное дело 473

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой оловянные солдатики маршируют, а как бы новобранных встречает директор гостиницы с грустными глазами 475

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой рассказывается о том, что случилось в городе Котома-Дядьке в прошлом году. Директор пьет капли Вотчела, а девушка-экскурсовод — валерьянку 479

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой бокс сравнивается с баскетболом и рассказывается о некоторых достоинствах розового туфа 482

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой Кот произносит хвастливую, а Вася — скромную речь 487

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой котомадядькинцы предлагают Васе объявить всесоюзный розыск 491

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой Кот Филя пугается пятен на солнце 502

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, в которой из окна отеля «Отдохновение души» открывается картина, необыкновенная во всех отношениях 509

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, в которой Вася сомневается, что в Шабарше никому ни до кого нет никакого дела, и в ближайшее время доказывает, что он совершенно прав 512

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, в которой читатель убеждается, что Филипп Сергеевич был не прав, утверждая, что в Шабарше никому ни до кого нет никакого дела 520

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, в которой доказывается, что смерти нет дела до превращений, и объясняется, что произошло, когда милиционер бросил топорик в толпу поссорившихся бумаг 524

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, в которой Лука Порфирьевич берет отгул, а Вася узнает, что случилось с Ивой 526

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ, в которой рассказывается, что случилось с Ивой 531

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ, в которой к Иве возвращается память 539

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой предстоящая встреча Леона Спартакевича с Васей приобретает убедительно-стройные очертания 547

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой у Ольги Ипатьевны плохо курится трубка, а Главный Регистратор превращает поношенную мантию в ковер-самолет 555

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой доказывается, что доброе дело в воде не тонет и в огне не горит 558

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Главный Регистратор жалеет, что у него никогда не было мамы 563

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ, в которой Главный Регистратор доказывает, что иногда даже опытные предсказатели ошибаются 566

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ, которая убеждает читателя, что старый Ворон действительно ошибся 572

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, повествующая о чудесах, происходящих без всякого вмешательства волшебных сил 576

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, в которой на сцену является новое действующее лицо 579